

В. А. Базилевский

**Государственные преступления в России в
XIX веке**

Том 3. (Процесс 193-х)

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 34
ББК 67
В11

В11 **В. А. Базилевский**
Государственные преступления в России в XIX веке: Том 3. (Процесс 193-х) / В. А. Базилевский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 308 с.

ISBN 978-5-518-04014-4

ISBN 978-5-518-04014-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

1877 годъ.

Дѣло о революціонной пропагандѣ въ Имперіи.

(Процессъ 193-хъ).

Дѣло разбиралось въ Особомъ Присутствіи правительствующаго сената съ участіемъ сословныхъ представителей подъ предсѣдательствомъ первоприсутствующаго сенатора Петерса. Присутствовали сенаторы: Похвисневъ, Реннекамнфъ, баронъ Меденъ, Тизенгаузенъ и Хвостовъ. Сословные представители: губернский предводитель дворянства Черниговской губерніи Неплюевъ, Вышневолоцкій уѣздный Сназінъ-Тормасовъ, Новгородскій городской голова Журавлевъ и Стародеревенскій волостной старшина Лукьяновъ. При оберъ-секретарѣ Поповѣ. Въ присутствіи товарища оберъ-прокурора Желеховскаго и прокурора Екатеринбургскаго окружнаго суда Шубина.

Засѣданіе 18-го Октября.

Какъ только вошелъ судъ, присяжный повѣренный Спасовичъ обратился къ присутствію съ заявленіемъ, въ которомъ, указывая на необходимость для суда публичности и гласности, ходатайствовалъ предъ Особымъ Присутствіемъ о переносѣ засѣданій въ другую, болѣе помѣстительную залу, а до пріисканія таковой отсрочить судебныя засѣданія. Кромѣ того, онъ просилъ судъ разрѣшить защитѣ пригласить своего стенографа. „Здѣсь—сказалъ Спасовичъ—мы не видимъ стенографа, но если бы онъ и явился, мы все-таки просили бы Особое Присутствіе о дозволеніи имѣть собственнаго стенографа, такъ какъ полный стенографическій отчетъ, особенно въ такомъ обширномъ дѣлѣ, какъ настоящее, существенно необходимъ для защиты“. Остальные защитники присоединились къ ходатайству Спасовича. Присяжный повѣренный Герардъ счелъ нужнымъ къ ходатайству Спасовича сдѣлать добавленіе, въ которомъ напоминалъ суду Особого Присутствія, что при введеніи нынѣ дѣйствующихъ судебныхъ уставовъ, необходимость гласности по отношенію къ суду Особого Присутствія мотивировалась тѣмъ, что отсутствіе публичности было бы противно достоинству Сената и подрывало бы вѣру въ его справедливость. Въ виду этого законодатель, предполагая первоначально не допускать гласности въ общіе суды, считалъ однако же необходимымъ сдѣлать исключеніе для Особого Присутствія Сената. Защитникъ подсудимаго Лопатина, присяжный

повѣренный Бардовскій, съ своей стороны, присовокупилъ, что дѣло его кліента (попытка освободить изъ-подъ стражи подсудимаго Волховскаго) не подсудно Особому Присутствію и, такъ какъ въ предполагаемомъ побѣгѣ главную роль по обвиненію играетъ Лопатинъ, а не Волховской, то, по точному смыслу закона, не Лопатинъ подлежитъ суду Особого Присутствія, а, наоборотъ, — Волховской подсуденъ окружному суду, почему защитникъ и ходатайствуетъ объ изъятіи дѣла его кліента изъ вѣдѣнія Особого Присутствія и о передачѣ его въ окружной судъ. Первоприсутствующій сенаторъ Петерсъ возразилъ Опасовичу и Герарду, что настоящее разбирательство гласно и публично, ибо въ противномъ случаѣ, онъ, первоприсутствующій, заявилъ бы объ этомъ въ самомъ началѣ засѣданія, что, сверхъ того, публика находится здѣсь и тамъ; (при этомъ Петерсъ указалъ рукою на мѣста позади судейскихъ креселъ). Кроме того, по словамъ Петерса, стенографъ правительствующаго сената былъ приглашенъ за засѣданія и не явился по неизвѣстнымъ для первоприсутствующаго причинамъ. Товарищъ оберъ-прокурора Желеховскій сдѣлалъ возраженіе защитнику Лопатина, гдѣ, не приводя особенныхъ доказательствъ, утверждалъ, что дѣло Лопатина подсудно именно Особому Присутствію. Послѣ заявленія прокурора судъ удалился на совѣщаніе и черезъ полчаса вынесъ постановленіе, въ которомъ отказалъ перенести засѣданіе въ другое мѣсто и призналъ Лопатина подсуднымъ суду Особого Присутствія. Желаніе же защиты имѣть своего стенографа найдено было возможнымъ удовлетворить. Подсудимый Коваликъ изъявилъ желаніе сдѣлать суду заявленіе, но первоприс. прервалъ его съ перваго же слова, объявивъ, что онъ можетъ дѣлать заявленіе въ свое время, теперь же онъ, первоприсут., не желаетъ его слушать. Послѣ этого начался допросъ подсудимыхъ объ ихъ имени, званіи и проч. Подс. Мышкинъ, на вопросъ о званіи, отвѣчаетъ: „Лишенный всѣхъ правъ арестантъ“. Первоприсут. Это не званіе. Мышк. Я такъ числюсь по бумагамъ. Первоприс. Кто вашъ отецъ? Мышк. Солдатъ. Первопр. Ваше занятіе? Мышк. Занимался печатаніемъ запрещенныхъ правительствомъ книгъ. Первопр. Ваша религія? Мышк. Крещенъ безъ моего вѣдома, по обрядамъ православной церкви и, имѣя въ виду законъ, угрожающій за отпаденіе уголовнымъ преслѣдованіемъ, официально числился въ этой же церкви. Первопр. Гдѣ было ваше послѣднее мѣстожительство? Мышк. Арестованъ въ сибирской тайгѣ. Подс. Остаткинъ, на вопросъ о занятіяхъ, отвѣчалъ: „Готовился стать въ ряды народа для борьбы съ его вампирами“. Подс. Никифоровъ, на тотъ же вопросъ отвѣчалъ: „Былъ народнымъ учителемъ, занимался пропагандой“. Подс. Лопатинъ отвѣчалъ: „Такъ какъ заявленіе моего защитника о неподсудности моего дѣла Особому Присутствію не было уважено, и я тѣмъ самымъ лишенъ возможности предстать на судъ общественной совѣсти, а слѣдовательно, лишенъ всѣхъ гарантій справедливаго суда, который представляетъ тотъ судъ, и такъ какъ мнѣ не было разрѣшено даже высказаться по этому поводу, то я не считаю для себя возможнымъ принять какое-нибудь участіе въ судѣ Особого Присутствія“. На это заявленіе первоприсутствующій замѣтилъ: „это не касается суда: значить—званіе, занятіе и мѣстожительство неизвѣстны“. Во все время засѣданія въ залѣ былъ большой шумъ отъ

разговора подсудимыхъ, не обращавшихъ на судъ никакого вниманія. Подъ конецъ засѣданія, при чтеніи списка свидѣтелей, подсудимый Чудновскій обратился къ первоприсутствующему съ замѣчаніемъ, что онъ не слыхалъ, здѣсь ли такой-то свидѣтель? Первоприс. отвѣчалъ, что въ этомъ виноваты подсудимые, которые все время разговаривали между собою. Отвѣчая на это, подс. Чернявскій заявилъ, что такъ какъ судъ не уважилъ требованій защиты и вслѣдствіе этого остался судомъ закрытымъ, то подсудимые не относятся къ нему, какъ къ суду. Первоприс. прервалъ Чернявскаго, но изъ среды подсудимыхъ раздались крики: „слушайте, когда вамъ говорить!“ Первоприс. дослушалъ до конца, но потомъ распорядился о выводѣ Чернявскаго изъ залы. Тогда большинство подсудимыхъ поднялось съ мѣстъ и раздались со всѣхъ сторонъ восклицанія: „всѣхъ уводите! мы всѣ не признаемъ суда!“ Были даже 2—3 восклицанія: „къ черту судъ!“ Подсудимые массою направились къ выходу, который загородили жандармы. Первоприс. громко закричалъ: „Объявляю засѣданіе закрытымъ! Жандармы, очистите залу!“

19-го Октября засѣданія не было „по причинѣ болѣзни одного изъ сенаторовъ“, какъ гласило объявленіе, вывѣшенное въ судѣ.

Засѣданіе 20-го Октября

открылось рѣчью первоприсутствующаго къ подсудимымъ, сущность которой заключалась въ приглашеніи подсудимыхъ не нарушать шумомъ и демонстраціями порядка засѣданія, такъ какъ для обѣихъ сторонъ, для суда и для подсудимыхъ, необходимо сохранять по возможности тишину и порядокъ. Подс. Мышкинъ (къ первоприс.). Я принадлежу къ числу подсудимыхъ, которые въ концѣ прошлаго засѣданія участвовали въ только что упомянутомъ вами безпорядкѣ. Хотя нашъ шумный, неоформленный протестъ разразился неожиданно для меня, но я не раскаиваюсь, что принялъ въ немъ участіе и не раскаиваюсь по слѣдующей причинѣ: Обвинительный актъ полонъ клеветъ... Первоприс. прерываетъ его, замѣчая, что составленіе обвинительнаго акта не зависитъ отъ Особаго Присутствія и что документы, представляемые суду, имъ не составляются. Подсуд. Мышк. Мы, главнымъ образомъ, настаиваемъ на необходимости публичности и гласности. Правда, вы въ прошломъ засѣданіи изволили объяснить, что судебное разбирательство производится публично, что публика и тамъ и здѣсь (жестъ рукой впередъ и назадъ). Да, дѣйствительно, за судейскими креслами есть нѣсколько мѣстъ, вѣроятно, для лицъ судебного вѣдомства; и здѣсь, за двойнымъ рядомъ жандармовъ, примостились 3—4 субъекта. Неужели это та самая хваленая публичность, которая дарована новому суду на основаніи судебныхъ уставовъ? Называть это публичностью значитъ иронизировать, насмѣхаться надъ однимъ изъ основныхъ принциповъ новаго судопроизводства. Перзоприс. Публичность гарантируется не присутствіемъ публики, а тѣмъ, что здѣсь есть стенографъ „Прав. Вѣст.“ и обо всемъ, происходящемъ здѣсь, будетъ напечатанъ стенографическій отчетъ. Подс. Мышк. По предыдущимъ прижѣрамъ мы хорошо знаемъ, что отчеты „Прав. Вѣст.“ представляютъ собою лишь второй экземпляръ обвинительнаго акта, а мы желаемъ, чтобы намъ была дана

возможность выяснить наше дѣло предъ публикой и объясниться не предъ нѣсколькими чиновниками, а предъ цѣлымъ обществомъ, отъ лица котораго во многихъ органахъ русской печати была выражена на это надежда... **Первопр. Подсудимый**, довольно! **Подс. Мышк.** Еще одно замѣчаніе. Мы глубоко убѣждены въ справедливости азбучной истины, что свѣта гласности боятся только люди съ нечистой совѣстью, старающіеся прикрыть свои грязныя, подлые дѣлишки, совершаемыя келейнымъ образомъ; зная это и искренно вѣря въ чистоту и правоту нашего дѣла, за которое мы уже не мало пострадали и еще довольно будемъ страдать, мы требуемъ полной публичности и гласности. **Первопр. Подсудимый**, довольно! **Мышкинъ** садится. Встаютъ **Муравскій** и заявляетъ: „Я вполне присоединяюсь къ заявленію моего товарища.“ Встаютъ большинство подсудимыхъ со словами: „И мы также!“ Въ этомъ засѣданіи начались опросъ и приведеніе къ присягѣ свидѣтелей. Во время присяги свидѣтелей **подс. Мышкинъ** заявилъ слѣдующій отводъ: „Въ каждомъ политическомъ процессѣ свидѣтель, который рѣшается дать показанія благопріятныя для подсудимаго и неблагопріятныя для властей, чрезъ одно это рискуетъ упасть въ разрядъ политически-неблагонадежныхъ людей и даже быть сосланнымъ въ какое-нибудь захолустье. „При такомъ сильномъ, гнетущемъ давленіи на свидѣтелей...“ **Первоприс.** „Вы можете предъявлять только законные поводы отвода, а это не законный.“ **Подсуд. Мышк.** Я отвожу свидѣтелей отъ присяги на томъ законномъ основаніи, что они состоятъ подъ опекой потерпѣвшаго лица, т. е. правительства. **Подс. Чудновскій** заявилъ отводъ одного свидѣтеля отъ присяги, такъ какъ этотъ свидѣтель сыщикъ, но, согласно мнѣнію товарища прокурора Желеховскаго, судъ не призналъ такого отвода уважительнымъ. Засѣданіе прекратилось по окончаніи опроса и присяги свидѣтелей около 5 часовъ вечера.

Въ засѣданіяхъ 21 и 22 октября былъ прочтенъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія:

„Въ половинѣ мая 1874 г. финляндскимъ уроженцемъ **Юганомъ Пельконенъ** была открыта въ гор. Саратовѣ, на Царицынской улицѣ, въ домѣ Превратухиной, баншачная мастерская, въ скоромъ времени обратившая на себя вниманіе полиціи страннымъ и подозрительнымъ поведеніемъ проживавшихъ въ ней лицъ, вслѣдствіе чего 31 го мая въ означенной мастерской былъ сдѣланъ обыскъ. Результаты обыска, равно какъ и произведеннаго вслѣдъ за симъ дознанія, привели къ несомнѣнному убѣжденію, что мастерская Пельконенъ служила притономъ для лицъ, принадлежавшихъ къ революціонному сообществу, имѣвшему развѣтвленія въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи; въ виду чего было признано необходимымъ сосредоточить въ однихъ рукахъ повсемѣстное разслѣдованіе преступной дѣятельности обнаруженнаго сообщества, каковое разслѣдованіе, по Высочайшему повелѣнію, и было возложено на начальника московскаго губернскаго жандармскаго управленія, генералъ-лейтенанта Слезкина. Произведенное послѣднимъ, подъ наблюденіемъ прокурора саратовской судебной палаты, дѣйствительнаго статскаго совѣтника **Жихарева**, дознаніе вполне подтвердило дѣйствительное существованіе въ Россіи, въ періодъ времени 1873 — 1874 года, обширнаго преступнаго общества, стремившагося къ лиспроверженію существующаго государственнаго порядка; раскрыло дѣятельность

лицъ, принадлежавшихъ къ этому сообществу. и наглядно возстановило исторію его возникновенія и дальнѣйшаго развитія. Собранныя познаніемъ данныя, не поколебленныя и предварительнымъ слѣдствіемъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что преступное сообщество, существованіе котораго было обнаружено въ Саратовѣ, возникло въ Петербургѣ въ 1873 г., и что оно находилось въ прямой преемственной связи съ прежними сообществами Долгунина, Натансона и др. Принадлежавшія къ этимъ сообществамъ лица, избѣжавшія преслѣдованія или наказанія и проживавшія болѣею частью въ Петербургѣ, продолжая, въ теченіе 1872 г., свою преступную дѣятельность, старались сблизаться съ рабочими, преимущественно фабричными и, подъ предлогомъ обученія ихъ грамотѣ, возбуждали въ нихъ недовольство существующимъ порядкомъ и распространяли между ними революціонныя идеи. какъ путемъ устной пропаганды, такъ и посредствомъ возмутительнаго содержанія книгъ, привозимыхъ изъ-за границы и издаваемыхъ русскими эмигрантами. До 1873 года дѣятельность пропагандистовъ имѣла характеръ индивидуальный, въ началѣ же сего года, нѣкто Николай Васильевичъ Чайковскій, окончившій курсъ наукъ въ с.-петербургскомъ университетѣ и принадлежавшій къ кружку Натансона, задался мыслію сплотить разрозненныя силы агитаторовъ въ одно цѣлое, къ чему и приложилъ всѣ свои старанія, вскорѣ затѣмъ увѣнчавшіяся нѣкоторымъ успѣхомъ. Такимъ образомъ, возникъ первый революціонный кружокъ, носившій, по фамиліи своего основателя, названіе „кружка чайковцевъ“, по примѣру и подъ вліяніемъ котораго, въ теченіе того же года, образовалось нѣсколько другихъ кружковъ. Кружокъ „чайковцевъ“, а также и нѣкоторые другіе, поддерживали постоянную связь съ русскими эмигрантами, поселившимися преимущественно въ Цюрихѣ и другихъ городахъ Швейцаріи. Личныя сношенія членовъ кружковъ съ эмигрантами, издаваемые послѣдними книги, въ значительномъ количествѣ ввозимыя тайными путями въ Россію, и поступленіе въ ряды пропагандистовъ, возвращавшихся изъ-за границы такъ называемыхъ „цюрихскихъ студентовъ“, къ развращенію которыхъ эмигранты прилагали особенное стараніе, — все это, взятое въ совокупности, имѣло рѣшительное вліяніе на напавленіе „петербургскихъ кружковъ“. Означенные кружки вполне прониклись ученіями эмигрантовъ, каковыя ученія и легли въ основаніе всей дальнѣйшей дѣятельности кружковъ. Въ 1873 году русская эмиграція, считавшая до того времени „международную ассоціацію рабочихъ“ единственнымъ орудіемъ водворенія всеобщаго счастья на землѣ, стала группироваться около новой формулы обновленія человѣческаго рода — федерализма, основаннаго на коллективизмѣ и мутуализмѣ. Такое измѣненіе направленія русской эмиграціи явилось послѣдствіемъ пятаго конгресса международной ассоціаціи рабочихъ, происходившаго, въ 1872 г., въ гер. Гаагѣ. Исключеніемъ сего конгресса изъ числа членовъ ассоціаціи, за образованіе въ ея средѣ тайнаго общества, эмигрантъ Бакунинъ, усердно проповѣдывавшій идею федерализма въ швейцарскихъ секціяхъ ассоціаціи, образовалъ „Цюрихскую славянскую секцію“, которая и слиялась съ секціями Юрской федераціи, не признававшими постановленій гаагскаго конгресса и избравшими своимъ девизомъ „федерализмъ“. По формулѣ федерализма, задача социальна-революціонной партіи состояла въ разрушеніи

всѣхъ государствъ, уничтоженіи всякаго государственнаго строя и буржуазной цивилизаціи и созданіи новаго строя путемъ вольной федераціи снизу вверхъ независимыхъ производительныхъ общинъ. Поставивъ своею задачею разрушеніе государства, славянская секція должна была, само собою разумѣется, вступать прежде всего въ борьбу съ тѣми высокими началами, коими обусловливается государственная жизнь народовъ, и дѣйствительно, въ своей программѣ секція объявила, что будетъ бороться противъ религіи, собственности и семьи. Пропагандируя въ своихъ сочиненіяхъ теорію федерализма, извѣстную также подъ именемъ „анархіи“, ибо основное положеніе ея заключалось въ отрицаніи всякой власти, Бакунины, вмѣстѣ съ тѣмъ проводилъ мысль о необходимости поголовнаго возстанія русскаго народа противъ Верховной Власти и доказывалъ неизбежность такого возстанія. Такое мнѣніе Бакунина, раздѣляемое большинствомъ эмигрантовъ, нашло себѣ поддержку и въ появившемся въ половинѣ 1873 г. журналѣ „Впередъ“, Лаврова, который разошелся съ партіею Бакунина лишь по вопросу о способѣ веденія революціоннаго дѣла въ Россіи. Приверженцы Бакунина полагали, что пропагандисты должны немедленно „идти въ народъ“, организовать его для революціи и внушать ему революціонныя идеи съ цѣлью вызвать возстаніе; Лавровъ же признавалъ, что навязывать народу революцію не слѣдуетъ, и что возстанію должно предшествовать сознаніе народомъ своихъ потребностей, разъясненіе которыхъ народу и составлять прямую задачу пропагандиста. Теорія Лаврова, требовавшая отъ агитатора извѣстной научной подготовки, крайне не понравилась русскимъ эмигрантамъ, и Лавровъ остался въ меньшинствѣ; но возникшій между нимъ и его противниками споръ породилъ ученіе, весьма категорически выраженное бѣжавшимъ за границу изъ мѣста ссылки государственнымъ преступникомъ Ткачевымъ въ изданной имъ въ апрѣлѣ 1874 г. брошюрѣ подъ заглавіемъ „Задачи революціонной пропаганды въ Россіи“. Въ означенной брошюрѣ, полемизируя съ Лавровымъ, Ткачевъ заявилъ, что „революціонная партія ставитъ своею главною первостепенною задачею не подготовленіе революціи вообще, а осуществленіе ея въ возможно ближайшемъ настоящемъ“; что „не слѣдуетъ гридавать слишкомъ большаго значенія вопросамъ, касающимся устройства наилучшаго порядка вещей въ будущемъ послѣ того, какъ революція совершитъ свою разрушительную миссію“, и что единственная цѣль „партіи дѣйствія“ должна заключаться «въ борьбѣ съ правительствомъ, въ борьбѣ съ установившимся порядкомъ вещей,—борьбѣ до послѣдней капли крови, до послѣдняго издыханія». Чудовищныя ученія Бакунина и Ткачева, господствовавшія среди эмигрантовъ, нашли себѣ, какъ сказано выше, сочувственный отголосокъ въ петербургскихъ революціонныхъ кружкахъ. Теорія федерализма составила, такъ сказать, *ria desideria* пропагандистовъ, практическая же ихъ дѣятельность получала направленіе, вполне согласное съ ученіемъ Ткачева, доказательствомъ чего служить, между прочимъ, написанный княземъ Краногкинымъ, однимъ изъ видныхъ дѣятелей кружка чайковцевъ, трактатъ подъ заглавіемъ: „Должны ли мы заняться разсмотрѣніемъ идеала будущаго строя?“, въ которой вопросъ разрѣшался княземъ Краногкинымъ въ отрицательномъ смыслѣ. Петербургскіе кружки усвоили себѣ не только догматическую часть ученій, выработанныхъ эмигрантами въ Швей-

парій, но и въ организаціи своей дѣятельности послѣдовали указанія, преподаннымъ на сей предметъ цюрихскою славянскою секціею, вслѣдствіе чего организація кружковъ выразилась въ формѣ отсутствія какой-либо іерархіи и полной свободы выбора каждымъ агитаторомъ какъ рода, такъ и способа пропаганды, при чемъ однако каждый пропагандистъ пользовался посильною помощью и содѣйствіемъ своихъ единомышленниковъ. Такимъ образомъ, изъ всего вышеизложеннаго несомнѣнно вытекаетъ, что петербургскіе революціонные кружки возникли и сложились подъ вліяніемъ двухъ факторовъ: во 1-хъ, оставшихся въ Россіи обломковъ прежнихъ преступныхъ сообществъ Долгушина, Натансона и др., къ которымъ присоединились и нѣкоторыя личности, привлекавшіяся къ дѣлу Нечаева, и во 2-хъ, русской эмиграціи, поселившейся въ Швейцаріи, чѣмъ и обусловливается связь упомянутыхъ кружковъ, съ одной стороны, съ предшествовавшими русскими политическими сообществами, а съ другой—съ западно-европейскою соціально-революціонною партіею, въ составъ которой вошли русскіе эмигранты. Возникшіе въ Петербургѣ кружки, пополнявшіеся приливомъ новыхъ членовъ, преимущественно изъ числа студентовъ технологическаго института и медико-хирургической академіи, а также слушательницъ женскихъ курсовъ той же академіи и акушерскихъ курсовъ, раздѣлились на двѣ категоріи, изъ коихъ первая тотчасъ же приступила къ пропагандѣ революціонныхъ идей между фабричными и заводскими рабочими, а другая занялась приготовленіемъ себя къ революціонной дѣятельности. Исходя изъ того положенія, что узнать народъ и пользоваться его довѣріемъ можно лишь въ томъ случаѣ, когда интуціей сближенія съ народомъ будетъ жить жизнью народа, вращаясь въ его средѣ въ качествѣ простаго рабочаго, многіе изъ агитаторовъ занялись изученіемъ какого-либо мастерства или ремесла, чѣмъ и объясняется открытіе агитаторами мастерскихъ, какъ-то, напр., кузнечныхъ въ Петербургѣ и Одессѣ, столярныхъ въ Москвѣ и слесарныхъ въ Тулѣ. Сношенія кружковъ поддерживались какъ личнымъ знакомствомъ членовъ между собою, такъ и путемъ сходокъ, собиравшихся, между прочимъ, въ квартирѣ студента технологическаго института Головина, въ 12-й ротѣ Измайловскаго полка, на каковыхъ сходкахъ обсуждались вопросы революціонной теоріи и практическаго приѣмленія ея къ дѣлу, чѣмъ уже были заняты нѣкоторые изъ пропагандистовъ. Въ концѣ 1873 г. преступная дѣятельность нѣкоторыхъ агитаторовъ въ средѣ петербургскихъ рабочихъ сдѣлалась извѣстною правительству, вслѣдствіе чего означенныя лица, скрываясь отъ преслѣдованія, уѣхали изъ Петербурга. Въ числѣ такихъ лицъ находилось нѣсколько наиболѣе выдающихся членовъ кружка „чайковцевъ“, укрывшихся въ Москвѣ, гдѣ они проживали подъ чужими именами. Подъ ихъ вліяніемъ и руководствомъ сложились московскіе революціонные кружки съ такимъ же направленіемъ, какъ и петербургскіе, имѣвшіе съ послѣдними прямую, непосредственную связь. Около того же времени лицами, близко стоявшими къ петербургскимъ агитаторамъ, былъ основанъ кіевскій кружокъ, извѣстный подъ названіемъ „кіевской коммуны“, а раннею весною 1874 г. глава одного изъ петербургскихъ кружковъ, дворянинъ Сергѣй Филипповъ Ковалыкъ, организовалъ кружокъ въ г. Харьковѣ. Кружки кіевскій и харьковскій вошли въ сношенія между собою. Кіевскій, личный составъ котораго

къ лѣту 1874 г. увеличился поступленіемъ въ число его членовъ многихъ петербургскихъ пропагандистовъ, кромѣ того вступилъ въ весьма близкую связь съ кружкомъ одесскихъ революціонеровъ; послѣдній же, основанный группою лицъ, проживавшихъ въ Цюрихѣ и усвоившихъ себѣ революціонное направленіе у самаго его источника, естественнымъ путемъ, въ силу своего происхожденія, слился съ петербургскими дѣятелями. Одновременно съ кружкомъ, образовавшимся въ Харьковѣ по инициативѣ Ковалика, въ этомъ городѣ возникъ другой кружокъ, весьма незначительный, основанный пропагандисткою, прибывшею изъ Москвы; этотъ послѣдній кружокъ, вскорѣ послѣ своего возникновенія, а именно къ лѣту 1874 года, слился съ тагарогскимъ кружкомъ, основаннымъ въ началѣ лѣта однимъ изъ петербургскихъ революціонныхъ дѣятелей. Весной 1874 г. петербургскіе кружки обнаружили стремленіе къ болѣе тѣсному сближенію между собою, къ составленію изъ себя одного органическаго цѣлаго; для этой цѣли избраны каждымъ кружкомъ делегаты собирались для совѣщаній, результатомъ которыхъ явилось устройство общей кассы, имѣвшей однако въ своемъ распоряженіи не болѣе 700 руб. Назначеніе кассы было—оказывать вспомошествованія какъ цѣлымъ кружкамъ, такъ и отдѣльнымъ членамъ оныхъ, отправлявшимся въ народъ, причемъ въ кассѣ могли принимать участіе и отдѣльныя, не принадлежавшія къ кружкамъ лица, отъ которыхъ требовалась лишь нѣкоторая общая солидарность въ принципахъ, т. е. признаніе необходимости довести народъ до социальной революціи. Съ наступленіемъ лѣта члены петербургскихъ кружковъ двинулись въ народъ на пропаганду. Въ этотъ періодъ времени петербургскіе революціонные дѣятели совершенно слились со своими московскими единомышленниками и сообща приступили къ осуществленію своихъ преступныхъ замысловъ. Подъ вліяніемъ соединенныхъ элементовъ петербургскихъ и московскихъ пропагандистовъ возникли революціонныя кружки въ Нижнемъ-Новгородѣ, Пензѣ, Самарѣ, Саратовѣ и др. мѣстностяхъ. Такимъ образомъ, главныя силы революціонной партіи сосредоточились въ восточной полосѣ Россіи, въ приволжскихъ губерніяхъ, что произошло не случайно, а въ силу заранее обдуманнаго плана дѣйствій и выработавшагося у большинства пропагандистовъ, на основаніи примѣровъ Стеньки Разина и Пугачева, убѣжденія, что революціонныя идеи найдутъ наиболѣе благоприятную для себя почву на востокѣ, въ приволжскихъ губерніяхъ, представлявшихся для революціонеровъ классическою страной бунтовъ и возмущеній. Въ этомъ послѣднемъ фазисѣ дѣятельности революціоннаго сообщества первенствующую роль занялъ пензенскій мѣщанинъ Порфирій Войнокоральскій, незаконный сынъ дворянина Ларіонова и княгини Кугушевой. Обладая, сравнительно, значительными денежными средствами и большою энергіею и предприимчивостью, Войнокоральскій весьма скоро сталъ во главѣ движенія; онъ устроилъ въ Москвѣ типографію, въ которой печатались революціонныя сочиненія, разсылавшіяся затѣмъ въ разныя мѣстности (въ томъ числѣ въ Саратовъ, въ мастерскую Пельконтъ) для брошюръ и распространенія ихъ въ народъ, снабжалъ деньгами пропагандистовъ и самъ лично занимался организаціею кружковъ и пропагандою въ народѣ. Такимъ образомъ, революціонная пропаганда шла по двумъ главнымъ направленіямъ: юго-западному и восточному; первое направленіе выразилось въ возникновеніи кружковъ

харьковского, кievскаго. одесскаго и таганрогскаго, съ ихъ развитіями, а второе въ кружкахъ, образовавшихся въ Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Пензѣ, Самарѣ, Саратовѣ и т. д. Всѣ названные кружки хотя и раздѣлялись на двѣ нѣсколько обособленныя группы, тѣмъ не менѣе, связанныя между собою единствомъ происхожденія, ученія и преслѣдуемой цѣли, а также личными сношеніями своихъ членовъ, составляли одно цѣлое, одно преступное сообщество, нагляднымъ доказательствомъ чего служить то обстоятельство, что обыскъ, произведенный въ мастерской Пельконена, далъ возможность раскрыть всю дѣятельность сообщества. Въшніе приемы пропаганды были одни и тѣ же во всѣхъ кружкахъ. Пропаганда—подъ прикрытіемъ разныхъ профессій: доктора, фельдшера, народнаго учителя, простого рабочаго—велась или устно, или посредствомъ чтенія и раздачи революціонныхъ книгъ; содержаніе же пропаганды видоизмѣнялось, смотря по тому, съ кѣмъ пропагандисты имѣли дѣло: съ лицами ли, принадлежащими къ простому народу, или же съ лицами, принадлежащими къ „интеллигенціи“, подъ каковымъ терминомъ революціонные дѣятели подразумевали народныхъ учителей, студентовъ, семинаристовъ и гимназистовъ. Въ первомъ случаѣ пропагандистъ обыкновенно указывалъ на недостатки земли у крестьянъ, на тяжесть податей и налоговъ, и внушалъ мысль, что если бы всѣ крестьяне или рабочіе соединились и уничтожили правительство, истребивъ при этомъ высшіе классы, то не пришлось бы платить никакихъ податей, а земли было бы у каждого съ избыткомъ, такъ какъ она вся принадлежала бы крестьянамъ; во второмъ случаѣ пропагандистъ большею частью старался доказать, ссылаясь на разные революціонные авторитеты, что экономическое положеніе народа отчаянное, что на обязанности всякаго порядочнаго человѣка лежитъ помочь народу выйти изъ такого положенія, что представляется возможнымъ только путемъ революціи, и что задача послѣдней должна состоять въ уничтоженіи Верховной Власти, всякаго правительства и государства. такъ какъ коренное измѣненіе къ лучшему положенію народа можетъ быть достигнуто только путемъ замѣны государства вольною федераціе производительныхъ общинъ. Независимо отъ сего, пропаганда, обращенная къ „интеллигенціи“, сопровождалась обыкновенно указаніемъ на то, что наука есть не что иное, какъ средство эксплуатировать народъ, что счастье народа можетъ быть создано и безъ науки, почему „интеллигентные“ слушатели пропагандиста приглашались бросить ученіе и идти въ народъ, при чемъ объявлялось, что сообщество располагаетъ денежными средствами, которыми и будетъ снабжать своихъ новыхъ товарищей. Такое ученіе, основанное на теоріи Бакунина, возводящее невѣжество и лѣность на степень идеала и сулящее, въ видѣ ближайшаго осуществимаго блага, житье на чужой счетъ, могло, конечно, показаться заманчивымъ только для самой плохой части учащейся молодежи, и дѣйствительно, большинство завербованныхъ пропагандистами въ средѣ этой молодежи единомышленниковъ представляетъ изъ себя людей, занимавшихся чѣмъ угодно, только не науками, а потому и крайне легко относившихся къ вопросу о выходѣ изъ учебныхъ заведеній. Денежныя средства сообщества составлялись: изъ суммъ, отпускаемыхъ болѣе состоятельными вожаками дѣла, какъ, напримѣръ, Войнаральскимъ; изъ взносов членовъ кружковъ; изъ суммъ, вырученныхъ отъ баловъ и другихъ увесе-

лений. устройствомъ которыхъ, подъ разными благовидными предлогами, занимались нѣкоторые петербургскіе кружки, и т. п. Вообще матеріальныя средства общества были незначительны. Между тѣмъ, безпрестанныя разбѣды пропагандистовъ, покупка революціонныхъ книгъ и всякаго рода вспомошествованія требовали большихъ расходовъ. Такимъ положеніемъ вещей достаточно объясняется причина обнаруженной многими пропагандистами готовности къ совершенію всякихъ преступленій ради приобрѣтенія денегъ. Главный контингентъ своихъ силъ въ количественномъ отношеніи общество черпало изъ той учащейся молодежи, о которой уже сказано выше. Преобладаніе такого элемента въ рядахъ пропагандистовъ, служа, съ одной стороны, доказательствомъ того, что какъ болѣе развитая среда, такъ и среда, лишенная образованія, но полная здраваго смысла, оставались для революціонныхъ дѣятелей одинаково недоступными, съ другой—естественнымъ образомъ обрекало общество на совершенное безсиліе и ничтожество. Осенью 1874 года большинство пропагандистовъ было задержано и отерутый ими весной того же года походъ противъ государства и цивилизаціи могъ считаться оконченнымъ, а общество разрушеннымъ, хотя нѣкоторые изъ его членовъ, успѣвши скрыться отъ преслѣдованія, и продолжали свою преступную дѣятельность до конца 1874 года и начала 1875 года. За періодъ всего своего существованія общество, съ его точки зрѣнія, достигло слѣдующаго результата: обращенія на всемъ пространствѣ Россіи, на которое распространялась дѣятельность всѣхъ силъ общества, двухъ-трехъ десятковъ лицъ изъ простаго народа, усвоившихъ себѣ суть революціоннаго ученія и пришедшихъ къ убѣжденію, что лишеніе ближняго его собственности и уничтоженіе власти, которая могла бы сему препятствовать, есть настоящая формула осуществленія, если не всеобщаго, то ихъ личнаго блага на землѣ Таковой, въ краткомъ очеркѣ, представляется исторія возникновенія, развитія и дѣятельности преступнаго общества, образовавшагося въ Петербургѣ въ 1873 году и окончившаго свое существованіе въ концѣ 1874 года. Освѣщая отдѣльныя проявленія революціонной дѣятельности мѣстныхъ кружковъ, вышесказанный очеркъ выѣстъ съ тѣмъ уяснить и значеніе нѣкоторыхъ не вполне рельефно возстановленныхъ обстоятельствъ дѣла.—Исходнымъ пунктомъ революціонной пропаганды въ Россіи, какъ уже сказано выше, былъ С.-Петербургъ, а изъ числа образовавшихся въ этомъ городѣ кружковъ, первымъ по времени возникновенія и главнымъ по вліянію, оказанному на дальнѣйшее развитіе революціоннаго дѣла, былъ кружокъ чайковцевъ, о которомъ упоминаютъ въ своихъ показаніяхъ обвиняемые: Митрофанъ Гриценковъ, Моисей Рабиновичъ, Левъ Городецкій и Александръ Низовкинъ. Послѣдній, весьма близко стоящій къ «чайковцамъ», въ показаніи своемъ подробно изложилъ исторію возникновенія этого кружка и дѣятельности многихъ изъ его членовъ въ Петербургѣ. По словамъ Низовкина, проживавшаго въ 1872 году на Выборгской сторонѣ, по Астраханской улицѣ, въ домѣ № 38, выѣстъ съ товарищами своими п. Медико-Хирургической Академіи, дворяниномъ Анастасіемъ Сердюковымъ и нѣкимъ Доводчиковымъ, большою популярностью въ средѣ студенческаго міра пользовался въ то время студентъ Технологическаго Института Лисовскій, посвятившій всю свою жизнь на сближеніе съ